

Россия-Иран: Реанимация военно-технического сотрудничества

Как часто бывает, важнейшие заявления, меняющие картину сложившегося миропорядка, выглядят коротко и буднично. Заявление российского и иранского министров обороны, Сергея Шойгу и Хосейна Дехгана о том, что «Россия и Иран будут развивать военное и военно-техническое сотрудничество, учитывая сложившуюся в мире политическую обстановку», сделанное в ходе двусторонней встречи в рамках международной конференции по безопасности в Москве на прошлой неделе, стало настоящей сенсацией.

Вполне можно согласиться со словами Хосейна Дехгана, который оценил это событие как переход российско-иранского сотрудничества в сфере безопасности «на принципиально новый уровень». От себя добавим, что этот переход был, во-первых, более чем долгожданным для патриотических кругов в России и Иране, которые считают стратегическое партнерство между нашими странами залогом региональной и международной безопасности. А во-вторых, достигнутый прорыв, о котором заявили министры обороны, является как нельзя более актуальным на фоне тех угроз и вызовов, которые создаются сегодня Западом и для Москвы, и для Тегерана.

Ставка на то, что можно достичь каких-то принципиальных договоренностей с США и его союзниками по НАТО, которую делали во внешней политике определенные политические круги и в России, и в Иране, оказалась несостоятельной. Более того, страны, которые делали и делают свой выбор в пользу Запада, платят за этот выбор кровью и нестабильностью. Посмотрим на карты Ближнего Востока, Центральной Азии, Африки — от Ливии до Нигерии: ни одно государство, добровольно или насильственно «включенное» в сферу жизненных интересов США и НАТО, не имеет гарантий стабильности и безопасности. Вывод, казалось бы, очевиден. «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Хотим мы обеспечить безопасность и стабильность, нужно решать эти вопросы самостоятельно, создавать региональные блоки, создавать их структуры и на уровне регионального же диалога «гасить» конфликтные ситуации, а не привлекать к излечению «болевых точек» заморских и европейских «докторов от геополитики». В противном случае — «управляемый хаос», растущие подобно грибку после дождя террористические и сепаратистские организации. А в итоге — «калечащие санкции» или же постоянный шантаж их введения, цветные революции и «гуманитарные» бомбардировки.

Политическая партия российского «силового блока» при Президенте

По итогам прошедшей в Москве встречи министров обороны не сообщалось о каких-то конкретных договоренностях. В этом не было особой необходимости, поскольку российские «силовики», министерство обороны и министерство внутренних дел начали реализацию партнерских программ с Ираном гораздо раньше, чем «раскачалось» само российское правительство.

Во время прошлогоднего визита в Тегеран министр внутренних дел Владимир Колокольцев и его иранский коллега Мостафа Мохаммад Наджар официально заявили, что проблемы безопасности, стоящие перед Ираном и Россией, имеют не только общий характер, но и общий источник, точнее — источники. Наркотранзит из Афганистана, поток контрабанды, вокруг которого сформировались устойчивые преступные сообщества, волна экстремизма и терроризма, накатывающаяся на Центральную Азию — лишь краткий перечень угроз и вызовов, объединяющий наши страны.

Общность этих угроз признавалась и ранее. Но вот то, что именно Россия и Иран являются основными мишенями, на которые нацелены эти угрозы, конечными целями создаваемой извне региональной нестабильности, на таком уровне было сказано впервые. И если раньше российские политики предпочитали, признавая наличие этих угроз, утверждать, что решить их можно самостоятельно или же при содействии некоего абстрактного «международного сообщества», то год назад впервые было заявлено, что обеспечение Россией безопасности «на южном направлении» без тесного сотрудничества с Ираном — невозможно.

Итогом прошлогоднего визита стало подписанное между министерствами внутренних дел двух стран соглашение, которое пресс-центр российского МВД тогда охарактеризовал как «правовой союз» между МВД России и Исламской Республики Иран. А уже в рамках этого соглашения стороны поставили вопрос о выработке конкретных мер сотрудничества в области охраны границ, создании единой информационной базы данных по ряду проблем, выработке механизма повседневного сотрудничества и обмена практическим опытом между полицейскими наших стран, вплоть до организации и проведения выставок технических средств и стажировки сотрудников.

Не менее значимым стал и визит в Иран главкома российских ВВС генерал-лейтенанта Виктора Бондарева в том же, 2013 году. Именно тогда, передавая запущенную в производство и принятую на вооружение иранской армией копию американского беспилотника ScanEagle командующему российскими ВВС генерал-лейтенанту Бондареву, командующий базой Корпуса стражей исламской революции Хатам аль-Анбия бригадный генерал Фарзад Эсмаили сказал: «Этот запущенный в производство беспилотник является символом технических возможностей исламского Ирана и передаваемый сегодня нашему гостю образец — дружеский подарок российским ВВС и русскому народу». Собственно, в переданном российской стороне «дроне» был скрыт намек на то, каким Иран видит дальнейшее развитие военно-технического сотрудничества с Россией.

Главкому ВВС были сделано несколько вполне конкретных предложений. Прежде всего, иранская сторона выразила готовность организовать прове-

дение стажировок российских военных летчиков в Иране, что, по мнению сторон, позволит отработать пилотам российских ВВС навыки действий в условиях Ближнего Востока, насыщенного техническими системами ПВО американского и израильского производства.

Кроме того, иранские военные продемонстрировали главному российским ВВС и действующую систему мониторинга оперативной обстановки в Персидском Заливе, которая представляет собою сложный комплекс из средств технической разведки и тех самых иранских копий американского ScanEagle, одна из которых была передана России. Продемонстрировали не просто так, разумеется, а с вполне конкретной целью — во-первых, принять участие в усовершенствовании этой системы, а, во-вторых, приступить к совместной модернизации и производству иранского варианта ScanEagle, что более чем актуально в условиях, когда азербайджанские беспилотники, созданные по израильской технологии, уже начинают облет Каспия, а в перспективе — готовятся к «обеспечению безопасности каспийских нефтепроводов».

К вопросу об актуальности

Собственно, обсуждение вопроса об участии России в модернизации целого ряда иранских видов авиационной и ракетной техники было, пожалуй, ключевым событием тогдашнего визита российского главнокомандующего. Помимо необходимости переоснащения состоящих на вооружении ВВС Ирана «МИ-Гов», Россия получила предложения о совместных проектах в вертолетостроении, ракетостроении и разработке систем технической разведки. Иран

достаточно недвусмысленно дал понять, что предлагает России новый уровень военно-технического сотрудничества — совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, которые до этого Россия вела только с Китаем.

Ряд экспертов склонны полагать, что намечающееся военно-техническое сотрудничество с Тегераном будет во многом носить пусть и выгодный, но односторонний характер — только и исключительно продажи средств и вооружений. Но такой подход мало того, что не совсем устраивает иранскую сторону, но еще и ошибочен в стратегическом отношении.

Существует также мнение и о том, что договоренности Шойгу и Дегхана «привязаны» исключительно к ухудшению российско-американских отношений в связи с «украинским кризисом». Но эта точка зрения достаточно поверхностна, поскольку выше уже сказано, что серьезные договоренности на уровне российских и иранских силовиков начали оформляться еще тогда, когда о евромайдане и слышно не было.

Вопрос российско-иранского сотрудничества в военной сфере следует рассматривать в первую очередь в рамках той политики безопасности, которую Москва методично и без особого пропагандистского шума проводит на Востоке, в первую очередь в рамках Таможенного Союза и ОДКБ. Серьезные

Россия получила предложения о совместных проектах в вертолетостроении, ракетостроении и разработке систем технической разведки

поставки вооружений в Киргизию и Таджикистан, восстановление единой системы ПВО на южных границах, начинающаяся «вторая жизнь» объектов российских Войск воздушно-космической обороны, расположенных на территории союзных республик, таких как «Окно» в Таджикистане (оптико-электронный комплекс контроля космического пространства в Нуреке) и полигон «Сары-Шаган» в Казахстане (единственный в Евразии полигон для разработки и испытаний противоракетного оружия, расположенный на территориях Карагандинской и Джамбульской областей) — все это складывается в комплексную программу. Россия, де-факто, берет на себя ответственность за военную безопасность центральноазиатского региона. Одновременно с этим наполняет реальным содержанием военную интеграцию с членами Таможенного Союза. Как уже вступившими (Казахстан), так и готовящимися к этому шагу (Киргизия). И в реализации этой программы намерена все активнее работать с Ираном, без которого решить вопросы безопасности попросту невозможно.

С другой стороны, Иран давно уже перерос уровень простого «закупщика» вооружений, свидетельство чему — успехи страны в области ракетных и иных технологий, в том числе технологий двойного назначения. Тегеран стремится не просто к роли покупателя российского оружия, как бы политически не был бы значим этот шаг, а к равноправному партнерству в НИОКР и модернизации вооружений. Пресловутый «контракт по С-300», тень неисполнения которого омрачает наше партнерство, может принять по предложению иранских военных новый поворот: иранская сторона дала понять, что, конечно, не откажется от приобретения ЗРС «Антей-2500», которые были предложены ей вместо С-300, но одновременно с этим предложила России поучаствовать в модернизации уже существующих иранских S-200, которые, по сути, являются копией С-300ПС, приобретенных Ираном у России в 1993 году.

Военно-техническое сотрудничество, провозглашенное российским и иранским министрами обороны, является насущной потребностью и для Москвы, и для Тегерана, поскольку даже до самого неискушенного в политике обывателя «достучалась» простая мысль: без тесного партнерства и взаимодействия в самых различных отраслях, от экономики до обороны и борьбы с международной преступностью, Россия и Иран будут нести серьезные потери. Совместными усилиями нашим странам удалось совершить практически невозможное — остановить западную агрессию в Сирии и добиться решительного перелома в борьбе Дамаска против иностранной интервенции. Но, новые вызовы и угрозы Запада нашим странам растут с каждым днем, а потому российско-иранское оборонное сотрудничество, включающее в себя и чисто «технические» вопросы ВВС и ПВО и более широкий аспект формирования системы региональной безопасности с активным участием Тегерана в программах ОДКБ, является сегодня актуальнейшим вопросом двусторонних отношений и адекватным ответом на общие внешние угрозы.